

ченіе министромъ графа Киселева. Письмо разумѣется шло черезъ начальство работъ и содержаніе его сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ. Лунинъ былъ прикованъ къ тачкѣ навсегда. Тѣмъ не менѣе смотритель каторжныхъ работъ, полный маіоръ и нѣмецъ по происхожденію, ежедневно уходилъ съ осмотра работъ, долго смѣясь еще по дорогѣ. Такъ умѣлъ Лунинъ насытить его подъ землею и прикованный къ тачкѣ.

Но вдругъ Левъ Николаевичъ разочаровался и въ этой эпохѣ. Онъ утверждалъ что Декабрьскій бунтъ есть результатъ влиянія Французской аристократіи, большая часть которой эмигрировала въ Россію послѣ французской революціи. Она и воспитывала потомъ всю Русскую аристократію въ качествѣ гувернеровъ. Этимъ объясняется, что многие изъ декабристовъ были католики. Если все это было привитое и не создано на чисто Русской почвѣ, Левъ Николаевичъ не могъ этому симпатизировать.] 37

Наконецъ въ то время выросъ другой интересъ — къ религії.

Судя по словамъ моей сестры попытки создать романъ изъ этой эпохи сдѣланы болѣе серьезныя, чѣмъ Петровской, такъ какъ эпоха и бунтъ были несомнѣнно и тщательно изучены.

V

Мои поѣздки съ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и его семьею.

Съ тѣхъ поръ, какъ я посыпалъ Ясную Поляну, ни одной поѣздки Левъ Николаевичъ не сдѣлалъ безъ меня,